

Лариса Миллер
Серия «Стихи гуськом»

Петр Нилус, «Поле с гусями», 1930-е гг.

В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

Наталья Ванханен, «Городок»

Выпуск 1 *серии «Стихи гуськом»*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-1
ББК 84-5
М 60

Миллер Л.

«В прямом эфире», Выпуск 1 серии «Стихи гуськом».

Издательские решения, 2016.

Сборник стихов «В прямом эфире» – первый из серии «Стихи гуськом», которая станет авторским собранием стихов Ларисы Миллер и каждый выпуск которой будет включать новые стихи, не вошедшие в предыдущие книги, и стихи прежних лет. Данный «Выпуск 1» включает стихи конца 2014 г. и января-апреля 2015 г., а также раздел «В слезах прошлогоднего снега» (избранные стихотворения 1964-2013 гг., некоторые из них в переводах на итальянский, английский, голландский, сербский и французский языки).

ISBN 978-5-4483-0773-7

І. Январь-апрель 2015 г.

Я ещё одну минутку
Попросить у вас хотела:
Я не все печали в шутку
Обратить пока успела,
И не всё, с чем шутки плохи,
Превратила в приключенья,
И не все сумела вздохи
Сделать вздохом облегченья.

Тоска? Бери её измором
Иль изгони её с позором.
А, впрочем, может, и тоска
Быть чем-то вроде волоска,
На коем держимся. И служит
Нам преданно. Ведь кто не тужит,
Не мается и слёз не льёт,
Тот никогда не подаёт
Загадочных, волшебных знаков
О том, что мир не одинаков,
Что можно колдовскую речь
Из тайных недр его извлечь.

Мне почему-то хорошо совсем некстати,
Ведь срок отпущенный прошёл, я на закате.
Я на закате дней и лет, на верном спуске.
Но, чтоб спастись от разных бед, пишу по-русски.
И если столбиком писать, к тому же складно,
То будут столбики спасать, и неповадно,
Наверно, будет и летам и разным бедам
Ходить за мною по пятам и гнаться следом.

Я столько лет не то искала,
Не там кораблики пускала,
Не той весной, не в том ручье,
Писала стих не в том ключе,
К тому же слабого накала.
Зато теперь я молодец,
Я просто цадик и мудрец,
Лишь об одном прошу я слёзно:
Не говорите мне, что поздно,
Что время вышло, что конец.

Стараюсь равновесие держать,
Хожу по свету, как канатоходец,
Гляжу, как птичий шастает народец,
И тщусь ему хоть как-то подражать.
Тщусь удержаться между нет и да,
Ведь равновесье где-то посередке.
Как можно дать на всё ответ короткий,
Коль наша жизнь - сплошная чехарда,
Где может жемчуг превратиться в хлам,
А точки - в вопросительные знаки,
А правда - в восхитительные враки,
Какие жизнь стремится впарить нам?

Мне говорят: тебя не спросят -
Возьмут и на дороге бросят
Иль бросят в омуте одну,
Спокойно дав пойти ко дну.
И никому не будет дела
Чего сама-то ты хотела:
Дорогу эту продолжать
Или на доньшке лежать.

Живи, живи, не отвлекайся
И откликайся, откликайся
На все призывы бытия.
Ты любишь жить? И я, и я,
И я люблю летящих мимо,
Крылами машущих незримо,
Неуловимых, как намёк -
На что, спросить мне невдомёк.

Куда теперь? Теперь туда,
Где не кончаются года,
Где не кончаются дороги,
Где я всё время на пороге,
В преддверье, накануне дня,
Что с нетерпением ждёт меня.

О, Боже правый, сколько снега!
И я участница забега.
А кто, зачем затеял кросс,
Не знаю. Не ко мне вопрос.
Я просто заодно с метелью
Кружусь, верчусь с неясной целью,
Вокруг да около кружусь.
И, даже если спать ложусь,
То всё равно вращаюсь с этой
Снежком засыпанной планетой.

Возникло, как по волшебству,
Каким-то чудом испарилось...
Я в этом так давно варилаь,
На небо глядя и листву.
То синева, то облака,
То листья с ветром улетают,
То силы есть, то силы тают.
И, бросив на ходу: "Пока",
Спешу продолжить прежний путь,
Где только то и неизменно,
Что всё меняется мгновенно,
Стремясь исчезнуть, улизнуть.

А жизнь идёт. Хоть трудно ей идётся,
Всегда в ней что-то для меня найдётся.
И даже у неласкового дня
Всегда найдётся что-то для меня:
Мотивчик лёгкий, доброе словечко,
Или хотя бы белая овечка
На горнем не скудеющем лугу,
Или хотя бы веточка в снегу.

И куда, сломя голову, время бежит?
У меня к этой спешке душа не лежит.
Мне гораздо приятней волынку тянуть,
Со словами возиться. Хотите взглянуть,
Как я буду словечки мурлыкать, черкать,
Чтоб они научились светиться, сверкать?

Господь, нельзя ломать игрушки.
Не отрывай нам носик, ушки.
Нельзя, даруя нам дорожки,
Потом ломать нам ручки, ножки.
Ну разве это развлечение -
Смотреть на немощь и мученье,
На немощь, старость и убогость,
Безрукость нашу и безногость?
Ведь не затем Ты нас придумал
И в нас живую душу вдунул,
Чтоб нас потом обречь на муку.
Вот я, даря зверушек внуку,
Учу, как гладить их по плюшу,
Щадя их плюшевую душу.

Давай пошепчемся, денёк,
Давай пошепчемся, ненастный.
Зови, унылый и несчастный,
Меня к себе на огонёк.
И мне пожалуешься ты,
Поплачусь я тебе в жилетку,
И превратится жизнь в конфетку
Необычайной вкусноты.

Все дни и годы разлинованы,
Размечены, пронумерованы.
И мы с тобой идём туда,
Где ждут нас вторник и среда,
Где даты все давно проставлены,
И всё же нам поля оставлены -
Те, что нетронутым снежком
Засыпал снегопад тишком,
И небо с синими заплатками
Вновь с нами говорит загадками.

Опять дежурю и не сплю,
Опять живу в ночную смену,
Не упираюсь взглядом в стену,
А впечатления коплю.
А их в ночи - хоть отбавляй:
Вон лунная дорожка вьётся,
Вон на пороге муза мнётся -
Иди сюда и окрыляй.
О, муза, раз ты тоже в ночь,
Раз мы с тобой совпали снова,
Я запишу всё слово в слово,
Что ты мне скажешь. Всё точь-в-точь.

Однажды весной посредине земли
Мои папа с мамой меня завели.
И, мне не сказав, что покинут меня,
Оставили жить среди белого дня,
Средь белого дня, среди тёмных ночей.
Хожу я по свету со связкой ключей
От дома, куда тороплюсь, чтоб обнять
Всех тех, кого могут навеки отнять.

А как начинали! А как начинали!
Какими цукатами дни начиняли,
Какие кругом расточали слова,
Как кругом, о Господи, шла голова,
Какие бывали у нас посиделки,
Как были затейливы наши проделки,
Как были порой по колено моря!
Напрасно Ты гнобишь нас, Господи, зря.
Мы всё ещё можем волшебной начинкой,
Мешая медовую сладость с горчинкой,
Наполнить все тёмные, светлые дни.
Поверь же нам на слово и не гони.

К страданию не надо, нельзя привыкать,
А надо перо в лёгкий воздух макать,
Как делают птицы, макая перо
В трепещущий воздух. Светло ли, серо,
Светло ли, серо - лёгкий воздух дрожит,
Перо по небесному полю бежит
Меж тёмных деревьев, меж веток нагих
И не оставляет помет никаких.

О, Господи, Ты мне не доверяешь?
Ты с вечностью стихи мои сверяешь?
Ты проверяешь, вечны ли они?
Но посмотри, как скоротечны дни,
Пестры, легки. И всё же Ты при этом
Их заливаешь несказанным светом.

Ты знаешь, что со мной случилось?
Я быть счастливой научилась.
Я научилась просто так
Сиять, как новенький пятак.
Поняв, что только для кручины
Всегда имеются причины,
А для веселья нет причин,
Взяла я на себя почин
Вести себя не слишком чинно
И радоваться беспричинно.

Ведь этот мир неопишем.
Зачем же мы его рисуем,
Мешая охру и кармин
Для горних высей и равнин?
Ведь он - ни горы и ни доли.
Он - мука мелкого помола,
Он - счастья лакомый кусок,
Он - с диким мёдом туесок,
Путь до разбитого корыта,
Звезда, что только что открыта.

Вот так всегда: мы здесь, а счастье там.
Вот так всегда: мы здесь, а праздник где-то,
А праздник там, где солнечное лето,
И где удача ходит по пятам.
А не пора ли дать рутине бой
И, отменив сию закономерность,
Заставить счастье соблюдать нам верность,
Таская нас повсюду за собой?

А летом, в случае неяви,
Я не пройду по нежной травке,
Под ливень я не попаду
И сыроежку не найду,
И сиротой жасмин оставлю,
И пустовать свой дом заставлю,
Печально будет сад вздыхать,
Колодец будет засыхать,
И мотыльки, стрекозы, белки -
Все будут не в своей тарелке.

Замри, умри, воскресни
И больше не шали...
А небо всё небесней
И сверху и вдали.
А небо всё небесней,
А дали далеко,
И каждый выдох песней
Становится легко,
Чтоб тут же испариться,
Как облачко у губ,
Как луч, как тень, как птица,
И миг, что сердцу люб.

Тянула маму за рукав:
"Пойдём, пойдём. Ну сколько можно?"
О, как же жить на свете сложно
Ребёнку без особых прав!
Вот стой и жди пока она
Поговорит с какой-то тётёй...
О, дни мои, куда ведёте
Из мест, где благодать одна,
Где рыжей маме так к лицу
Смешная кофта с оторочкой.
Куда ведёте маму с дочкой?
Неужто, как и всех, к концу?

Жизнь на мою попалась удочку
И под мою танцует дудочку,
И делает, что я хочу,
Я ею, как хочу, верчу,
И ей самой, пожалуй, нравится,
Что я смогла с ней как-то справиться,
И ей не надо бить ключом,
Не надо думать ни о чём,
Переживать, что планы рушатся.
Ей подобает только слушаться,
Из нас верёвки не вия...
Ох, грёза сладкая моя.

Как к этой жизни отношусь?
Да я никак не отдышусь,
С утра до вечера напасти,
И никакой над ними власти.
Я скоро в отпуск попрошусь -
В короткий, внеочередной,
И чтоб напасти - ни одной.
Что, что? Такого места нету?
Я поищу по интернету.
А вдруг найду я рай земной.
Пусть захудалый, три звезды,
До моря три часа езды.

О, сколько на свете вещей мимолётных,
Бесплотных, стремительных и перелётных.
О, как хорошо быть меж ними своей,
Желанной и чайнной, как соловей,
Который всего, что летуче, глашатай,
Всего, что уносится прочь, провожатый,
Который про то на закате поёт,
Как вечно томленье и краток полёт.

О, как же мне хочется быть образцом
Весёленькой сказки с хорошим концом.
О, как же мне хочется быть легкокрылым
Носителем радости, счастья мериллом,
Прямым доказательством, фактом того,
Что горестных миггов здесь ни одного.
А если они и случаются в сказке,
То не отменяют счастливой развязки.

Посвящается Демису Руссосу.

1.

Вдруг взять да и затихнуть навсегда,
Лечь спать живым, а утром не проснуться,
Лечь спать живым, а утром не вернуться
В тот мир, где есть года и города,
В тот мир, в котором можно умереть
От счастья и от горя, и от боли,
Где у тебя назначены гастролы,
Известны дни, когда ты должен петь.

2.

Спасибо, что он песни не унёс
С собою, что он песни нам оставил,
И copyright, что он на них поставил,
Не помешал мурлыкать их под нос,
Когда ложимся и когда встаём.
Мы так за жизнь успели их усвоить,
Что остаётся только их присвоить,
Как комнату, в которой мы живём.

А где источник неувязок?
Кто сочинитель пёстрых сказок
С вкраплением счастья и беды?
Кто скрылся, заметя следы,
И не сказал, уйдя с земшара,
Куда нам в случае пожара
Звонить? Кого хулить, винить?
Кому спасибо говорить?

Как хорошо, когда само собой,
Когда само собой всё происходит,
Когда удача нас сама находит
Под кровлей серой или голубой,
Когда стихи, гуртом ли косяком,
Идут ко мне, да так легко при этом,
Как будто бы идут весёлым летом
Ко мне по росным травам босиком.

Нетленку пишут на коленке,
Меж делом, улучив момент,
В вагоне, прислонившись к стенке
Под нудный аккомпанемент
Колёсный, пишут на обрывке.
Ей не помеха толкотня.
Её творят, снимая сливки
С земного будничного дня.

А в чём интрига? В чём интрига?
Интрига - в ускользаньи мига,
В чередованьи тьмы и света,
В большой живучести сюжета,
Который - живы мы, не живы -
Плодит, плодит свои извивы.

Здесь родилась и здесь же я росла,
Гоняла мяч, когда была весна,
А в том районе я с ума сходила,
И места я себе не находила,
А там явился ты меня спасать,
А там бульвар, где начала писать
Стихи про то, как трудно жить на свете,
А там и сям гуляли наши дети,
На том трамвае ездила домой
Или из дома. Это город мой -
Мой мир, что мной изъезжен и исхожен
И без меня, конечно, невозможен,
И невозможен, и непредставим,
Поскольку каждый шаг мой связан с ним -
С тем миром, что пируя иль скучая,
Живёт себе, меня не замечая.

На грани взлёта и провала
Живёшь всю жизнь и горя мало.
То круто вверх, то круто вниз,
А то на ниточке повис.
Висишь и держишься за ветер,
Поскольку больше не приметил
Нигде опоры никакой.
Есть только воздух под рукой.

- Кто пролетел? Кто прошуршал крылами?

- Сейчас скажу, но это между нами:

Дни пролетели, пронеслись лета.

- А что же там мелькали за цвета?

Что это были за цвета, за краски?

- Скажу, но ты не придавай огласке -

То были птицы пёстроного пера:

Все твои "нынче", "завтра" и "вчера",

Твои кануны, коих больше нету.

- А почему всё это по секрету?

- А потому что боязно спугнуть

Их тайный сговор удлинить твой путь,

Их тайный план свершить такое чудо,

Чтобы не дать тебе уйти отсюда.

И нота с птичьего крыла

Легко, как пёрышко, упала,

И миг страницей нотной стала

Тропинка, что тиха была.

И эти ноты на снегу

Ведут себя так музыкально,

Звучат они так уникально,

Что, кажется, и я смогу

И вдохновляться, и парить,

Словами лёгкими сорить.

А надо буковку сменить,
Одну лишь букву, и короста
Налипшая уйдёт и просто
Заметней станет жизни нить,
Что извивается, дрожит...
Лишь надо слово "убиваться"
Чуть изменить и упиваться
Той жизнью, что гудит, блажит.

Вдохнуть бы мокрую сирень
И быть живой. *Живой и только.*
И верить, что всего лишь долька
Счастливой доли этот день,
Где ранним росам нет конца,
Где к соловьиному оврагу
Бежит тропа, где ветер влагу
Сдувает с юного лица.

И как я оказалась в результате
На склоне лет, на спуске, на закате?
Я, вроде, не сюда держала путь,
Я просто шла и шла куда-нибудь,
Ведь не стоять же тупо на дороге,
Тем более, когда так резвы ноги,
Тем более, что я люблю гулять.
Ну и кого теперь мне умолять,
Просить, чтоб разрешили задержаться?
Ну перед кем теперь мне унижаться
И доводы какие привести,
Чтоб разрешили время провести
Добавочное на упрямом спуске?
Ну что сказать? Пишу стихи по-русски?

А то, что ты ищешь, - оно где-то между
Отчаяньем полным и слабой надеждой,
Оно между музыкой и тишиной,
Меж твердью небесной и твердью земной,
Оно в промежутке, в просвете, в зазоре
Меж тем, что зовётся здесь "счастье" и "горе",
Меж лёгкими шторами на сквозняке,
Меж всеми словами в бегущей строке.

Итак, кому предъявим счёт?
Всё улетает, всё течёт,
День гаснет, время убегает,
Попутный ветер помогает
Ему стремительней бежать.
Кого же к стенке-то прижать?
Ну кто готов остановиться
И слушать, как истец, истица
Пытаются назвать, спеша,
Всё, от чего болит душа?

Какие там науки точные?
Есть только ручейки проточные
Текущих вод, где ищем брод,
Есть лишь текучий небосвод.
Жизнь - это дивное поветрие.
Ни алгебра, ни геометрия
Не могут толком объяснить,
Как ткётся тоненькая нить
Ранимой жизни. Ткётся, вьётся
И почему однажды рвётся.

И что ни день, то день текущий,
Который бредит райской кущей,
Мечта о ней его влечёт,
И он поэтому течёт.
И можно ли стоять на месте,
Коль вечно долетают вести
Невесть откуда, что вон там
Всё то, за чем мы по пятам
Летим с мгновения зачатья,
Нас ждёт, раскрыв свои объятия.

Я догадалась, слава Богу,
Куда мне деть зарю, дорогу,
Лучистый краешек небес,
Запорошённый снегом лес,
И птиц, и солнечные пятна...
Мне долго было непонятно,
Как задержать немного их.
Тогда я сочинила стих
И поместила лес и сойку,
И небеса в свою постройку.

Всё по местам Господь расставит -
Тепло придёт, и снег растает,
И станет радостно совсем,
Вернётся жизнь, но не ко всем.
Хоть не ко всем она вернётся,
Но сад мой бедный встрепенётся,
И хор, покинувший мой сад,
Ликуя прилетит назад.

Как это всё употребить -
И лес в снегу и в блёстках иней?
Нарисовать пейзажик зимний
И к стенке гвоздиком прибить?
О, как, однако, тяжело
Иметь с красою зыбкой дело!
Вот всё взяло и пролетело,
Что сильно за сердце брало.

А жизнь ещё покуда в моде,
И за неё не грех цепляться,
Не грех, одевшись по погоде,
Пойти немного прогуляться.
Она сама тебе покажет
Все потайные закоулки,
Она сама тебе подскажет,
О чём подумать на прогулке.
За свойство то молчать, как рыба,
То говорить красно и страстно,
Ей не забудь сказать "спасибо",
Она обидчива ужасно.

Но это же время. Ну что с него взять?
Оно ведь бежит и летает, как хочет,
Ему всё равно, что тоска тебя точет,
Когда небеса продолжают сиять.

Но это ведь жизнь. Что поделаешь с ней?
Ну нет на неё, как известно, управы,
И, хоть её речи бывают корявы,
Не стоит просить: говори, мол, ясней.
Не будь её речь столь темна и тиха,
Ни музыки не было бы, ни стиха.

И хотя я давно еле ноги таскаю,
Всё равно небеса нежным взглядом ласкаю,
Всё равно я дыхание ветра ловлю,
Всё равно говорю своим близким "люблю",
Всё равно строю планы, что связаны с этой
В прошлом веке меня приютившей планетой.

Только прошла, а следы уже смыты,
Только сказала - уже позабыты
Реплики, вздохи, вопрос и ответ,
Только явилась - уже меня нет,
Все мои замки волшебные срыты.
Есть только воздух, меняющий цвет,
Ветер, мгновенно стирающий след.

Опять спугнула я строку.
Я записать её хотела,
Она взяла и улетела,
И, значит, прибыло полку
Свободных, не попавших в сеть,
Неуязвимых, неранимых,
Неосязаемых, незримых
И неспособных умереть.

Неужто были чертежи
У Господа в момент Творенья?
А, может, было лишь паренье,
Заоблачные миражи,
Одни видения, мечты,
Фантазий, бреда, снов круженье.
И в зыбкое сооруженье
Затем попали я и ты,
Чтоб ничего не понимать
И сон за бденье принимать.

Ещё не хватало, ещё не хватало,
Чтоб здесь без меня вечерело, светало,
Чтоб здесь без меня прилетали грачи,
Чтоб здесь без меня веселились ручьи,
Лучи без меня добавляли им блеску,
И ветер трепал без меня занавеску

Того, кто утром просыпается,
Его, к несчастью, всё касается:
Его касается прогноз,
Где напророчили мороз,
Звонки тревожат поминутные,
Волнуют вести неуютные,
Тревожит повсеместный грипп.
Короче, он, бедняга, влип.
Влип - в это утречко метельное
И в это дело канительное,
С которым, нету сил сказать,
Как трудно будет завязать.

О, сколько же в днях этих будничных воздуха, света!
Наверно, сие называется "проза поэта".
О, сколько в картинках обыденных и прозаичных
Пристрастий и вкусов Творца потаённых и личных!
О, сколько в мелодии будничной строя и лада,
О, как нам нужны очертания райского сада!
О, как невозможно и страшно среди дел и явлений,
Лишённых, пусть даже и слабых, но райских вкраплений.

Коль улыбка ещё не сбежала с лица,
Коль ещё что-то силятся высказать губы,
То, наверно, мы всё ещё Господу любы,
И, наверно, далёко ещё до конца.
Коль весной небеса так свежи и новы,
Что ладонью глаза прикрываем от света,
То, наверно, не выпали мы из сюжета
И нужны для затейливой этой канвы.

В прозрачные такие дни
Становится предельно ясно,
Что будет всё с тобой прекрасно -
Всего лишь руку протяни.
А, если руку лень тянуть,
Хотя бы шевельни мизинцем
И станешь ты принцессой, принцем,
Везунчиком каким-нибудь,
Которому: "Иду, иду", -
Кричит удача на ходу.

Как глупо взять да утонуть
В пучине бед, в мирской пучине
И до весны не дотянуть
По этой горестной причине.
Как глупо взять да и не смочь
Явиться в срок на праздник света
И погрузиться в злую ночь,
Не дотянув чуть-чуть до лета.
А, впрочем, в нынешнем году
С небес теплом столь ранним тянет,
Что, мнится, если не приду,
Весна сама ко мне нагрянет.

Когда ты не знаешь, куда себя деть,
Советую взять да наверх поглядеть,
Советую, кверху задрав подбородок,
Следить за чередой уплывающих лодок.
Под образом сим я имею ввиду
Плывущих вон там облаков череду,
Которые могут во всём отражаться,
Но не в состоянии здесь задержаться,
Чем нам, столь не вечным, безумно близки,
Хотя и не ведают нашей тоски.

А день текущий - златоуст,
И в самый раз, развесив уши,
Гулять по вешней части суши
И слушать льдинок слабый хруст,
Глядеть, как луч небесный льнёт
К земле, где снег лежит местами,
И дня сладчайшими устами
Пить золотистый вешний мёд.

Весна едва ли понимает
И слышит нас, но боль снимает,
Хотя бы тем, что и она
От вешней слабости пьяна
И ходит чуть ли не по стенке -
Так у неё дрожат коленки.

А в летний день светло с пяти...
Как жалко в списках не найти
Себя среди тех, кого букетом
И птичьим хором встретят летом,
Накормят ягодой с куста,
Вареньем вымажут уста,
И выкрасят в мой цвет любимый
Июньский сад мой соловьиный.

А жизнь сто тысяч раз кончалась,
И всё же мчится, как и мчалась,
И, умерев сто тысяч раз,
Опять жива в любом из нас.
И, вроде, ей конец положен,
Но снова свет на свет помножен,
И радость, одолев тщету,
Глядит на яблоню в цвету.

Какой здесь, Боже, неуют!
А птицы всё равно поют.
Им хоть бы хны - поют и точка,
И день прозрачен, как сорочка.
И ясно видно сквозь него,
Что нет на свете ничего,
Что изменило б нашу участь
И отменило б птиц певучесть.

Давайте день тянуть, как гласную. Протяжно
Давайте поживем, пока свежо и влажно,
И влажно, и свежо, и солнечно, и звонко,
И отделяет нас лишь тоненькая плёнка
От счастья, и хрустят при каждом шаге льдинки,
Что по краям ручья, где небо в серединке,
Где лёгкое крыло случайно промелькнуло
И нам невесть на что прозрачно намекнуло.

А я большой специалист
По разным здешним заморочкам,
По мать-и-мачеховым кочкам.
Пора мне дать похвальный лист
За то, что каждый божий март
Сырые яйца пью утрами,
Чтоб голос мой и в птичьем гаме
Имел и звучность и азарт
Для воспевания во всех
Октавах здешних и регистрах
Смен настроенья быстрых-быстрых,
Когда - то жалоба, то смех.

О жизнь, лишь теперь сознаю я отчётливо,
Как тратилась ты на меня нерасчётливо,
Как много даров мне бесценных дала,
Когда я чего-то другого ждала,
Когда ни хранить, ни ценить не умела
Того, что по воле твоей я имела.
Теперь мы в итоге с тобой на мели,
И вряд ли нам что-нибудь светит вдали.
Зато я и малым могу обходиться,
Мне даже ненастная осень годится,
Я даже в промозглый ненастный денек
Могу отыскать золотой огонек.

Я погляжу на мир сквозь слёзы,
А он ответит мне улыбкой,
А он сорвёт листву с берёзы,
Чтоб золотой ныряла рыбкой;
Заставит тайные пружинки
Работать весело и шустро,
Чтоб взгляд мой тешили снежинки,
В лучах горящие, как люстра;
Попросит вешнюю синицу
Петь в самой радостной октаве
О том, что счастье мне не снится, -
Оно есть свойство здешней яви.

И с каждым рассветом светлей и светлей,
И с каждым мгновеньем теплей и теплей
Мои отношения с тутошной былью,
С танцующей в комнате солнечной пылью.
И всё очевиднее, что не для ссор,
А лишь для любви существует зазор,
И только для дружбы сердечной и тесной -
Зазор между твердью земной и небесной.

А в дни весенние, сырые
Поёт свои тридцать вторые,
Свои тридцать вторые нотки
Синица, радуясь погодке,
Непредсказуемой, капризной,
Не обладающей харизмой,
Которой обладают вёсны,
Поскольку дерзки и не косны,
И в миг любой готовы к риску,
И на любовную записку
Похоже то, что так невнятно
Небесные рисуют пятна.

Спасибо, что меня ты не оставил
Одну, что мне компанию составил,
Что ходим мы с тобой, держась за ручки.
Ведь жизнь - она выкидывает штучки,
С которыми не сладить в одиночку.
Спасибо, что и с кочки и на кочку
Мы ходим вместе. И, устав с дорожки,
Садимся рядом, в бездну свесив ножки.

Ну что же ты, жизнь, за меня не цепляешься,
Мной не дорожишь и в меня не влюбляешься,
Совсем не боишься меня потерять?
А я извожу за тетрадь тетрадь
В линейку, в клеточку, хлипкую, плотную,
Спеша рассказать тебе всю подноготную,
Признаться, в волнении лист теребя,
Что нет никого, кто мне ближе тебя.

Я не умею ровно ничего,
И даже жить на свете не умею,
И вряд ли в этом я поднаторею,
Хоть проживу все дни до одного.
Но я стараюсь, мучаюсь, учусь,
В мудрёных книжках делаю пометки,
И получить хорошие отметки
Не то чтобы рассчитываю, - тщусь.
Но не даётся ни один предмет,
И, если можно относится нежно
Ко мне, то лишь за то, что я прилежно
Являюсь по утрам на белый свет.

И на вертящемся кругу
И на вращающейся сцене
В подвижной зыбкой светотени
В полёте, мельком, на бегу,
То при софитах, то во мгле
В стремлении неутолимом
Жить на ветру неутомимом,
Его распахнутом крыле.

Хоть ты на солнышке лежишь,
Исхода ты не избежишь.
Хрустишь морковкою ядрёной -
Ты всё равно приговорённый.
Воздушным танцем увлечён -
А всё равно ты обречён.
Едва сей праздник подарили, -
Тотчас тебя приговорили.

Ах, как всё-таки жаль,
Что столь многое мне не подвластно.
Как ни сладостна даль,
Но, закону природы согласно,
Не сохранней травы
Мы с тобой. Хоть составлен нелепо
Сей закон, но, увы,
Исполняется тупо и слепо.
А давно бы пора
Весь уклад пересмотру подвергнуть
Иль под крики "ура"
Его взять да и просто отвергнуть,
Чтобы раз навсегда
Было лишь на моё усмотренье -
Уходить в никуда
Или жить, продолжая паренье.

Я здесь всему, всему верна -
Верна и ночи, что черна,
Верна и утренней заре,
Верна метели в январе,
Родимым тутошним словам...
Коль убедиться надо вам,
Какой я верный человек,
Оставьте здесь меня навек.

Опять ты нам давишь на железы слёзные,
Опять уверяешь, что все мы бесхозные,
Что все одинокие, все на краю -
Да знаем мы песенку эту твою.
Ах, жизнь, докажи ты нам лучше обратное,
Чудесное нечто и невероятное,
И доводы веские ты не ищи,
А просто крылом на ветру трепещи,
Про близкую оттепель пой упоительно,
И пусть это всё прозвучит убедительно.

Да разве нужен адресат?
Коль ты живёшь в среде воздушной,
То кто-нибудь равнодушный, -
Хоть ветер, залетевший в сад, -
Подхватит лёгкую строку,
Пошуровав в твоей тетради,
И с ней взлетит, веселья ради.
Токуй, как птица на току,
И знай одно, и знай одно:
Обшарит ветер воду, сушу
И непременно встретит душу,
Распахнутую, как окно.

Всё под контролем. Жизнь идёт,
Листва трепещет,
Свершает птица перелёт,
Крылами плещет,
В окно ворвался сквознячок
И сдвинул штору,
И неба синего клочок
Открылся взору.
И даже тот прискорбный факт,
Что жизнь уходит -
Есть запланированный акт
И тоже входит
В состав земных летящих лет
И в дней рутину,
И проливает грустный свет
На всю картину.

А мне ведь и в голову не приходило,
Что я днём и ночью с земли уходила.
Я думала, что прохлаждаюсь в лесочке,
А вышло, что путь сокращаю до точки.
Я думала, мостик ведёт меня с пруда,
А вышло, он тоже уводит отсюда,
И, даже слоняясь туда и обратно,
Я всё ухожу, ухожу безвозвратно.

Потом придёт пора другая,
Всё прежнее опровергая.
Наступит день, отвергнув ночь
И прогоняя страхи прочь.
Наступит март, весна наступит
И к делу весело приступит,
День увеличится на треть,
Заставив нас пересмотреть
Своё вчерашнее решенье
И к мирозданию отношенью.

Вот я опятьхватила лишку,
Опятьхватила через край
И накропала за день книжку,
Где всё про здешний ад и рай,
Где тыща слов про безнадёжность,
Про неизбывную тоску
И про счастливую возможность
Сказать "спасибо" волоску
За то, что держит нас и держит,
Существованье наше длит,
За то, что вечно что-то брезжит
И небывалое сулит.

А март - он мне родной,
Ведь родилась я в марте,
Возникнув в день шальной,
Как островок на карте.
Я до сих пор окрест
Гляжу и поражаюсь
Обилью влажных мест,
В которых отражаюсь,
Обилью светлых луж
И разных звонких штучек.
Взялась я не за гуж,
А за игривый лучик,
Который, вспыхнув вдруг,
Дарует вдохновенье,
Чтоб выскользнуть из рук
В ближайшее мгновенье.

Увяла дружба, отцвела любовь.
Ну что ж ты хочешь? Это школа жизни.
На свете нет наставника капризней:
Ему ответишь - вызывает вновь,
Ответишь - снова вызовет к доске
Рассказывать о счастье и тоске.

-Про что кино?
-Да всё про то же,
Про то, что жить - себе дороже,
Про то, что всё же тянет жить
И этой жизнью дорожить,
Оно про тех, в ком жизнь струится,
Кто потерять её боится.

Ну а предел моих мечтаний, -
Чтоб навсегда исчез предел,
Чтоб смерть осталась не у дел,
Чтоб ничего опричь скитаний
Земных не ведали вовек
Ни я, ни ты, ни имярек.

Вот и распались те миры,
Ушли участники игры,
Ушли их голоса и лица,
Им остаётся только сниться
Кому-то, кто покуда тут.
Они бесследно пропадут,
Коль из игры однажды выйдет
Тот, кто во сне их нынче видит.

Я тот зевака, что стремится
Увидеть, как поток струится
Людской. Себе я не прощу,
Коль я хоть что-то пропущу.
Меня на небесах ведь спросят,
Что на земле на грешной носят,
О чём болтают на ходу
В моём прижизненном году,
Чем пробавляются в кафешке...
Всё сохраню не хуже флешки.

Себя я в списках не нашла.
А я ведь так глаголом жгла
Сердца людей, я так старалась...
А, может, опечатка вкралась,
И кто-то среди прочих дел
Меня случайно проглядел,
Забыл при составленьи списка,
И это чистая описка,
Что в планах будущего дня
И лет грядущих нет меня.

Вступила в область поздних лет
И вижу: ничего здесь нет,
Помимо всё того же света,
Всё тех же зим, того же лета,
Сомнений вечных - то? не то?,
Надежды не пойму на что.

Скажи, что всё здесь мимолётно, -
С тобою соглашусь охотно, -
Что жизни я вот-вот лишусь, -
С тобою снова соглашусь.
Но если скажешь: "Всё напрасно",-
Воскликну: "Нет, я не согласна.
Ведь это был волшебный блиц
И промельк меж стволов и птиц".

Играю на любимой лире
Не где-нибудь - в прямом эфире.
Рискуя сбиться каждый миг,
Играю всё на беловик
Без всяких проб и репетиций,
Как делают ручьи и птицы,
Как поступает ветерок,
Летя со свистом вдоль дорог.

Перо в чернила обмакнула
И ничего не зачеркнула
Из прошлого, а лишь число
Поставила. О, как несло
Меня сквозь дни! В оконной раме
Сияет мир, куда ветрами
Забросило. Пишу диктант
И птичий слушаю дискант,
Макаю пёрышко в чернила...
Я прошлого не очернила -
Наоборот, наоборот
Сияет день и тот, и тот,
И тот, чья над диктантом дата,
И тот, что чёрным слыл когда-то.

Лишь на условиях моих, -
Что все блага для нас двоих, -
Лишь на условиях на этих
Могу я жить на белом свете.
К кому взываю я? К тому,
Кто ткёт небесную кайму
И свет нам по утрам включает,
И никогда не отвечает.

Есть тихая игра двух бликов на скатёрке,
Есть лёгкий ветерок, что треплет угол шторы,
Есть звонкая капель и птичья перекличка,
И есть привычка жить - счастливая привычка
На свете жить и жить, надеясь и отчаясь,
Ни на единый миг с земли не отлучаясь.

Ну как бы мне новое слово сказать?
Ведь я же пришла не затем, чтобы снова
Твердить и твердить надоевшее слово,
В говоренных прежде словах увязать...
Вдруг слышу: "Не смей так про нас говорить.
Мы тоже умеем и петь и парить".

Выхватываю из огня
Закатного остатки дня.
Выхватываю дня остатки
И прячу их в своей тетрадке,
Вернуть надеясь звук и цвет
Тому, чего на свете нет.

Не бойся - не умрёшь,
Весной не умирают,
Весной стоит галдёж,
И крылышки играют,
Весной летит пыльца,
Сердца людей тревожа,
И мир хорош с лица
Да и с изнанки тоже.
Когда балдеет свет
От своего всевластья,
Не умирают, нет,
Ну разве что от счастья.

Недавно смотрела я дома кино,
Про вещи печальные было оно.
Шло дело к какой-то ужасной развязке,
И вдруг всё зависло, ну прямо, как в сказке.
Поскольку мой диск дефективный завис,
Никто головою не бросился вниз,
И всё обошлось без трагедий и крови,
И просто все замерли на полуслове,
И тот, кто, наверное, гибнет в конце,
Он замер с улыбкой живой на лице.

Хожу по Москве мимо жизни своей:
Левей - моя школа, а дом мой - правей,
А там музыкалка родная моя.
А я куда делась? В какие края
Ушла, улетела, ушла, уплыла
Из дней, где я счастлива вроде была?
А, может, останься я там, не уйди, -
Была бы вся жизнь у меня впереди.

Хоть дольше века длится день,
Но жизнь идёт одно мгновенье,
Чтоб стать однажды просто тенью
Трепещущей. И даже тень
Здесь не задержится. Она,
Поколебавшись, покачавшись
И к краю самому подкравшись,
Исчезнет в пропасти без дна.

Ручья журчанье, птичье пенье
Есть Господа сердцебиенье.
Окрест не сыщешь ничего,
Где б вовсе не было Его.
Его дыхания, улыбки,
Его удачи и ошибки.

*Джону и Шиле
Стратфорд-на-Эйвоне
апрель 2015 г.*

Небо стоит того, чтобы снова проснуться,
Утро стоит того, чтоб в него окунуться,
Воздух стоит того, чтоб дышать глубоко.
Вишня белая-белая, как молоко,
И зарянка на ней меня ждут с нетерпением,
Чтоб заняться со мной трепетаньем и пеньем.

Что, что? Не успеваешь ничего?
А я вот не боюсь, что не успею.
Летает жизнь, и я летаю с нею,
И дней нечётных нет ни одного.
Летаю налегке, и лишь тетрадь
Всегда со мной, поскольку не лишает
Летучести меня и не мешает
С крылатой жизнью заодно летать.

Живут здесь, жалуясь, вздыхая,
Да больно слышимость плохая.
Вздыхай хоть сутки напролёт, -
Едва ли кто тебя поймёт.
Уж лучше, коль на сердце ранка,
Петь, как поёт весной зарянка,
Летать и петь среди деревьев -
И будут слушать, замерев.

Я наметила дивный маршрут
По тропе одичалого сада,
Где сверкает щелями ограда,
Где весенние птицы орут,
Где от счастья мозги набекрень
У того, кто доверился слепо
Вешним дням и сияет нелепо,
Глядя как зацветает сирень.

Коль счастья хочешь - ничего не жди,
И ни на что особо не надейся.
Лучи пробились - благодарно грейся,
Подарок дали - прижимай к груди.
Не жди и не надейся, и не верь,
Что непременно залетит жар-птица,
Но, продолжая в хлопотах крутиться,
Всё ж оставляй полуоткрытой дверь.

Так надоело быть собой.
Побыть бы высью голубой
Или хотя бы чем-то местным,
Хотя бы тем леском окрестным
Иль птицей с радужным пером.
Иль просто в воздухе сыром,
Где пролетела эта птица,
Однажды взять и раствориться.

Меня впускают, но с трудом,
Меня впускают, но со скрипом,
И лишь когда скажу со всхлипом,
Что здесь единственный мой дом.
Так неохотно в явь из сна
Впускают, будто я не вправе
Вновь становиться частью яви,
Особенно когда весна,
Когда всё снова на нуле,
И царствуют одни кануны,
И на коне лишь те, кто юны,
Лишь юным место на земле,
А мне заказан путь сюда.
И как я докажу, что тоже
Должна быть в день весенний вхожа,
Поскольку страшно молода?

Хотя бы так - скороговоркой
О луже с ледяной обorkой,
Ажурной, ломкой, кружевной,
О птичьей песне проливной,
О небе с голубой заплаткой,
О жизни горестной и сладкой.

Тебе никак не угодишь:
То шум не нравится, то тишь,
То пустота, то многолюдье.
Тебе несут десерт на блюде -
И снова волком ты глядишь.
Ну что же делать? C'est la vie,
Капризность у тебя в крови...
А, может, приложил здесь руку
Господь. Иначе жизни муку
И сласть попробуй улови.

Что делать? Мой ангел-хранитель в отставке,
От дел отошёл и не вносит поправки
В мою помрачневшую сильно канву.
Сначала я думала - так проживу,
Но вижу, к несчастью, что так не выходит,
Печалей всё больше, а время уходит,
И ангелы, те, что не сдали дела,
Совсем над другими раскрыли крыла.

Весна, ну полюбуйся на меня,
Ну посмотри, во что я превратилась.
Спасибо, что ещё не прекратилась
Поставка небом вешнего огня,
Что, волосы мне ветром теребя,
Не прекратила ты тепла подачу
И воздуха, что я хоть что-то значу,
Ещё хоть что-то значу для тебя.

Сегодня мы рядом, а завтра нас нет,
Ни слуху, ни духу, и даже наш след
Исчезнет, покроется пылью дорожной.
Какой мы, однако, народ ненадёжный.
Вчера подставляли кому-то плечо
И в верности вечной клялись горячо,
И с близким и с дальним спешили сдружиться,
И сгинули. Как же на нас положиться?
Ведь знаем же, знаем, как нас подвели
Родные, ушедшие с этой земли,
Каким это было невыносимым горем.
Неужто и мы их ошибку повторим?

И карманы пусты, и щелиста избёнка,
И зачем мы, скажите, заводим ребёнка?
Ну зачем производим ребёнка на свет,
Коль, - чего ни хватись, - ничегошеньки нет, -
Никаких убедительных признаков рая.
Есть одна лишь любовь без конца и без края.

И всё-таки всегда возможность есть
Всю горечь жизни чем-нибудь заесть -
Медовым чем-то, сладостным, чудесным,
Чтоб этот путь, что называют крестным,
Где шёл, тоскуя, мученик босой,
Вдруг показался взлётной полосой.

А вдруг все наши дни и ночи
Бегут и мчатся что есть мочи,
Бегут и мчатся, и летят,
Поскольку убежать хотят
Из нашей тутошной психушки,
Где жизнь не стоит и полушки,
Где всяк на свой особый лад
Творит невыносимый ад.
И только дети, только дети
Умеют жить на белом свете,
Они куличики пекут,
И дни их медленно текут.

Уж если прогорать,
То как костёр трескучий,
Кому-то подарив
Согреться дивный случай.
Уж если прогорать,
То, чтобы ветер быстрый
Всех одарил вокруг
Летучей божьей искрой.

Вот проснусь невесть во сколько
И пойму, что в мире только
Тишина и темнота,
В нём отсутствуют лета,
Время, эра, век, эпоха,
Ничего в нём, кроме вздоха,
Кроме вздоха в тишине,
Лунных бликов на стене.

У нас прекрасные места,
Отсюда видно всё и слышно:
И то, как зацветает вишня,
И то, как синева густа,
И что за музыка звучит
То сольная, то хоровая.
А нынешняя, заревая -
Та даже чуточку горчит,
Слегка горчит, как всё вокруг,
Как мир, в котором обитаем,
Как всё, чем нынче обладаем,
А завтра выроним из рук.

Но боль - ведь это тоже нота
И тоже повод для полёта,
И эту ноту длит и длит
Тот, у кого душа болит,
Пока она не станет песней,
Которой в мире нет чудесней.

Представьте, пожалуйста, птичка. Вы кто?
Скажите нам полное имя. А то
Мы даже не ведаем, кто нас пленяет
И кто нашу жизнь так чудесно меняет,
Что даже в печальном родимом краю
Мы можем блаженствовать, точно в раю.

О, Господи, откуда что берётся?
Откуда свет, что непрерывно льётся?
Откуда воздух, что слегка дрожит?
Откуда время, что всегда бежит?
А, может, нету времени. Есть племя,
Придуманное скорость, сроки, время?

Мне чудится: я здесь не зря торчу,
Не знаю чем, но чем-то я верчу
Здесь на земле, и даже сплошь да рядом
Исподтишка командую парадом:
Снабжаю мир небесной синевою
И воздухом, и музыкой живой.
И лишь одно никак не удаётся:
Понять, постичь - откуда ад берётся?

Вот ветер любит облако ваять,
А я люблю под облаком стоять
И ввысь глядеть, задравши подбородок...
Всё сочинил весёлый самородок,
Который вряд ли отдавал отчёт
Себе и в том, куда всё потечёт,
И в том - зачем, какой во имя цели,
И в том, как жить душе в болящем теле,
И как потом ей расставаться с ним,
И чем ей жить - мечтами? Днём одним?

Слова даны, чтоб вечно не хватало
Нам слов сказать, куда душа летала
И что видала там, на высоте.
Слова даны, чтоб вечно о тщете
Мы помнили и ради сладкой пытки
Не оставляли тщетные попытки.

II. Некоторые стихи ноября-декабря 2014 г., не вошедшие в книгу «Намёк на благодать»

Пытаюсь научиться обживать
Пространство совершенно нежилое:
К примеру, утро хмурое, сырое,
Грядущего нетронутую гладь,
Чужую непонятную среду,
Потерянность, отчаянье, беду.

Мы пролетаем мимо или
Всё пролетает мимо нас?
Мы позабыли день и час
Свиданья или нас забыли?
Не отвечает кто кому -
Всевышний нам иль мы ему?

А высь должна быть ненаглядной,
А осень - пышной и нарядной,
Прозрачной, солнечной - среда,
Где обитаем. А беда,
Беда должна быть поправимой,
А цель всегда - неуловимой.

Внуку Данечке.

Визжа, таращась, познавать
Всё, что познанию поддаётся.
О, как прекрасно познаётся
С защитной сеточкой кровать
И погремушка, что висит
На тонкой прыгающей леске.
А, коль раздвинуть занавески,
За ними дождик моросит.
А где-то за окошком сквер
Непостижимого размера,
И ничего нельзя на веру
Принять из этих чудных сфер.
Всё надо щупать и долбить,
И грызть, и больно ударяться,
И быстро-быстро удаляться
Из рая, где так сладко быть.

"Выбирай: одно из двух -
Либо тело, либо дух".
Вот сижу и выбираю:
Я без тела умираю
И без духа не могу.
Вот сижу и ни гу-гу.
Вот сижу, молчу, как рыба.
А над ухом: "Либо-либо".

Давно пора рвануть стоп-кран,
Чтоб враз, как вкопанные встали
Все те, которые устали
От хвори и сердечных ран.
Рвануть стоп-кран и обалдеть
От тишины в бескрайнем поле,
Где можно, позабыв о боли,
Молчанье слушать, вдаль глядеть.

Искала много лет, где встать, где сесть,
Где точка та, с которой лучше видно
И слышно всё, что пропустить обидно,
И, наконец, открыла - точка есть.
Но точка эта не вовне - внутри.
Её нашаришь - слушай и смотри.

Есть у Творца удачи. Есть.
К примеру, крестики сирени,
Расцвет, рассвет, лучи и тени,
Пичуги. Всех не перечесть.
Я говорю о мелочах?
Всё так, но я сама видала
Как на пичугу, что витала,
Смотрел Он с гордостью в очах.

Зависеть от такой безделки -
Какой-то там сосудик мелкий,
Сосудик, жилка на виске.
Вся жизнь - постройка на песке,
Постройка на песке. И только.
Неужто нас не жаль нисколько?
А если жаль - кому? Кого?
Страдальцы все до одного.

А я люблю гонимые слова,
Немодные сегодня сантименты
Про всякие счастливые моменты
Той жизни, что банальна и нова,
Из коей душу так спешат изъять,
Как некогда изъяли букву ять.

Коль не выходит быть счастливой,
По крайней мере будь смешливой.
Для смеха повод ест всегда.
К примеру, с памятью беда.
А если шаткая походка,
То это вообще находка.
А если в левой ручке дрожь,
То просто со смеху умрёшь.

О, Господи, Господи, что это было?
Ни тихого рая, ни прочного тыла,
Нигде ни единой надёжной зацепки,
Зато облака фантастической лепки...
Ни крепкой опоры, ни верных укрытий,
Зато изобилие кружев и нитей -
Теней и лучей, что скользят осторожно
По тропам земным, где спастись невозможно.

Пора бы жить – не выживать,
А жить и вышивать по шёлку
Сквозному. Смотрит ангел в щёлку,
А значит, будут заживать
Легко и просто ранки все
И все сердечные болячки,
И, если ты не склонен к спячке,
Увидишь мир во всей красе:
И шёлк лазоревых небес,
И непримятый снежный хлопок
Извилистых, неторных тропок,
Ведущих из лесу и в лес.

III. «В слезах прошлогоднего снега»¹

Стихи прошлых лет, включая несколько переводов на итальянский, английский, голландский, сербский и французский языки

* * *

Январский сумрак затяжной,
Сугробы хрустки, как суставы,
И тянутся по Окружной
Запорошённые составы.
Снега, как дни мои, несметны.
Я в этом мире — на века.
Но снег стряхну с воротника
И в дом войду. И снова — смертна.
1966

* * *

Не поймешь то ли дождь, то ли снег,
Так и жить в этой хмари блуждая
И не ведая долог ли век,
Далеко ли до самого края.

Что за дело туман или дым
Свет нам застит в ненастную осень,
Коль и впрямь мы у края стоим
И над пропастью ногу заносим.
1964

¹ Владимир Соколов

* * *

И всякий день — всё та же спешка,
И всякий день — орёл иль решка,
И то везёт, то не везёт
В том мире, где подтаял лёд
И где снега под вечер сизы,
Где каплет под лучом с карниза
И стало небо голубым,
И клонит южным ветром дым.
1969

Как поживаешь, первый снег?
Как поживаешь?
Уж больно короток твой век —
Летишь и таешь.
Летишь и таешь без следа,
Пропать без вести
Способен каждый без труда.
Исчезнем вместе.
2002

Над сараем белые голуби —
Всё, что белого у зимы,
Я взяла бы у них взаймы
Белых перьев для леса голого.
И Голутвинским, Мытной, Лиховым,
О делах забыв, о речах,
В лес да в поле перо это тихое
Унесла б на своих плечах.
1965

Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться,
Чтоб там небывалым вещам поразиться.
Но можно остаться меж явью и сном
В засыпанном снегом массиве лесном,
Где каждая веточка занята делом:
Дрожит на ветру в одеянии белом,
В наряде, прошитом сплошным серебром.
И, снега коснувшись легчайшим пером,
Свои мимолетные, ломкие строки
На белом снегу начертали сороки.
1986

Всё чисто тихо, гармонично
Я убедилась в этом лично.
Тихи снега и облака.
Не поднимается рука
Писать об этом мире плохо.
Какая б ни была эпоха,
Но плакаться в такие дни
И ночи – Боже сохрани.
2009

На итальянском. Перевод Стефано Гардзонио²:

E' tutto lindo, armonico e silente.
Me ne sono sincerata personalmente.
Silenti le nevi e le nubi
Non si leva la mano
Per scriver male di questo mondo.
Qualunque epoca s'affacci,
Di piangere in questi giorni
E notti, o Dio, risparmiami.
2009

² “Grani di felicità”, Transeuropa, 2015

* * *

По какому-то тайному плану
Снег засыпал и лес и поляну,
Берега водоёмов и рек.
Скоро кончится нынешний век,
Век двадцатый с рожденья Христова...
А пока половина шестого
Или где-то в районе шести.
И, часы позабыв завести,
Занят мир увлекательным делом:
Тихо пишет по белому белым.
1985

На английском. Перевод Ричарда Мак Кейна³:

According to some secret plan
snow was strewn over the forest and glade,
the banks of watering-holes and rivers.
This century will soon be over,
the twentieth from the birth of Christ...
And now it's only five thirty,
or round about six.
Having forgotten to wind the clock,
the world is engaged in absorbing business:
quietly writing white on white.
1985

³ "Guests of Eternity", ARC Publ., 2008

* * *

*Посвящается фильму
“Сказка сказок”*

Красное яблоко падает в снег.
Вечного времени медленный бег.
Вечного времени медленный ход.
Красного яблока тихий полёт.
Это из сказки, где нету конца.
Сказка такая одна у творца.
Красные яблоки с белых ветвей
Падают в снег. И поёт соловей.
2004

Песня Михаила Приходько

<http://www.larisamiller.ru/pesni8.html>

А эта снежная пыльца
Нужна, чтоб разбивать сердца,
Чтоб всё вокруг любви вертелось
И чтоб вовек не расхотелось
В рассветный снегопад нырять,
От счастья голову терять.
2013

* * *

Давайте в черный день подумаем о снеге,
О медленном его и неустанном беге.
Летучие снега раскидывают сети...
Давайте в черный день подумаем о свете,
О будущем светло и ясно о минувшем.
Огромное крыло над озером уснувшим
Отбрасывая тень, в безмолвии качнется,
И сгинет черный день, и белый день начнется.
1990

* * *

С белым светом говорю,
С белым –
Вот таким я занята
Делом.
Я толкую с ним зимой,
Летом,
И других у меня дел
Нету.

Говорю о том, что томит,
Мучит-
Тишине внимать он меня
Учит.
Кабы знать, что он меня
Слышит...
Птичий крестик на снегу
Пишет.

2004

Песня Михаила Приходько и Галины Пуховой:

<http://www.larisamiller.ru/pesni9.html>

* * *

В постылых роюсь словесах
С упрямством мула.
Уж лучше б в чистых небесах
Я потонула,
Иль, глядя как летит искрясь
Снег на дорогу,
«Нет слов», - сказала бы дивясь,
«Нет слов, ей-богу».

2009

* * *

Что я делаю? Что? Ухожу.
Даже если сижу и лежу,
Даже если домой возвращаюсь
Всё равно ухожу и прощаюсь
И проститься никак не могу.
Я люблю этот город в снегу,
Просинь в небе, окошко родное,
Что-то горнее, что-то земное.
2009

Что делать в этот день метельный?
Желателен режим постельный:
Лежишь себе, глядишь в окно,
Где мельтешение одно,
Где хлопья снежные летают,
Где миги, точно хлопья, тают,
А ты лежишь себе в тиши –
Успокоение души.
И ничего не происходит,
И на тебя покой нисходит,
И, суть по-прежнему тая,
Летит и тает жизнь твоя.
2004

Ночь за окном. Эта ночь за окном...
Что ни скажу я – всегда об одном,
Что ни скажу я, как полночь, старо...
Жизнь невесома, как птичье перо.
Веришь мне ? Верь, будто жизнь весела.
Ночь за окном, но снежинка бела,
Вот она вьётся, летается ей
Возле неярких ночных фонарей...
Всё образуется. Веришь мне? Верь.
Было достаточно слёз и потерь...
Видишь, в окно моё светит звезда?
Всё образуется. Веришь мне, да?
2004

Песня Михаила Приходько и Галины Пуховой:

http://vk.com/wall-64732599_97?reply=99

* * *

Всё способно умереть,
Потому что живо, живо,
В час весеннего разлива
Силам – таять, птицам – петь

Тают в небе облака,
Тает снежная одежда,
Лишь последняя надежда
Не растаяла пока.
2001

Поверь, возможны варианты,
Изменчивые дни - гаранты,
Того, что варианты есть,
Снежинки – крылышки, пуанты –
Парят и тают, их не счесть.
И мы из тающих, парящих,
Летящих, заживо горящих
В небесном и земном огне, -
Царящих и совсем пропащих
Невесть когда и где, зане
Мы не повязаны сюжетом,
Вольны мы и зимой, и летом
Менять событий быстрый ход
И что-то добавлять при этом
И делать всё наоборот,
Менять ремарку “обречённо”
На “весело” и, облегчённо
Вздыхнув, играть свой вариант,
Чтоб сам Всевышний увлечённо
Следил, шепча: “Какой талант!”
2000

* * *

Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка.
Я от нежности таю к любому мгновению дня.
Мама, видишь оттуда во что превратилась дочурка?
Я от нежности таю. Почти не осталось меня.

Да и день со мной нежен. К губам прикоснулся снежинкой,
Лёгким тельцем небесным, весёлым своим светлячком.
Мама, видишь оттуда как таю над дивной картинкой,
Той, что сотворена на едином дыханье, молчком?
2010

А мир так безнадежно плох,
Что приуныл уставший Бог.
Он под седыми облаками
Развёл в отчаянье руками.
Что делать? Снова всё топить?
Или бесшумно облепить
Всё покрывалом белоснежным,
Пушистым, девственным и нежным?
2003

На французском. Перевод Никиты Макарова⁴:

Ce monde est tant désespéré,
Que Dieu parait si affligé.
Etant sous les nuages blancs
Il écartait les mains, disant:
Que faire? L'inonder ou bien
Couvrir d'un drap si aérien,
D'un drap de neige doux et pur -
Couvrir le tout de Ma parure?
2003

⁴ "La Langue Francaise", «Первое сентября», октябрь 2013, стр. 33, Москва

Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Третий день снегопад. Даже ночью бело.
Столько нежности, Господи, маленьких крыл,
Будто Ты мне все тайны сегодня открыл.
Не словами, а прикосновеньем одним
К волосам и губам, и ресницам моим.
2008

На сербском. Перевод Владимира Ягличича⁵:

Колико нежности, Господе. И крило, и зрак.
Трећи дан сипи већ. Бело и ноћу чак.
Толико нежности, Господе, и криоца малених,
као да си све тајне данас открио мени.
Не речју - дотицајем јединим све ојави се -
уз косу и уз усне, уз моје трепавице.
2008

⁵ Не опубл. С разрешения автора перевода

Не под музыку, нет, а под звон тишины
И при свете колеблемой снежной стены
Жизнь идёт и идёт, на ходу истончаясь.
День текущий от прежнего не отличаясь,
Заманил, закружил меня, посеребрил.
Ты когда-то о времени мне говорил.
Говорил мне когда-то, что времени нету,
И, о сроках забыв, я блуждаю по свету,
За кружащимся ангелом белым слежу
И сквозь снежную стену легко прохожу.
2008

Песня Андрея Крамаренко:

На сербском. Перевод Владимира Ягличича⁶:

Не уз музику, не, већ под звоњавом тишине
и уз сјај снежног зида зањиханог с висине
живот тече и тече, просењује се, плови,
а да се не разликује од пређашњег дан нови,
него ме мами, чара и сребри по темену.
Ти си ми говорио, некада, о времену.
Говорио си ми, некад - времена нема околѐм,
зато лутам по свету не признајући рокове,
омајног анђела белог посвуда пратим зраком,
кроз снежни зид пролазим једним кораком, лако.
2008.

⁶ Не опубл. С разрешения автора перевода

* * *

Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Вот хвост у сороки отменно хорош:
Большой, черно-белый. Такое перо –
Ему бы стоять на старинном бюро.
И если не манна слетает с небес,
То все ж филигранна, воздушна на вес
Снежинка, летящая в снежных гуртах.
И это о радости в общих чертах.
И это два слова про дивный пейзаж,
Про фон повседневный, обыденный наш,
Про фон наш обычный. Но, может быть, мы
Являемся фоном для этой зимы,
Для этих сугробов, сорок, и ворон.
И терпит картина серьезный урон,
Когда и летают, и надают ниц
Снежинки на фоне безрадостных лиц.
1981

* * *

Шито белыми нитками наше житье.
Посмотри же на странное это шитье.
Белой ниткой прошиты ночные часы.
Белый иней на контурах вместо росы.
Очевидно и явно стремление жить
Не рывками, а плавно, не дергая нить.
Шито все на живульку. И вечно живу,
Опасаясь, что жизнь разойдется по шву.
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.
Но сегодня тишайший, густой снегопад.
Белоснежные нитки прошли простор
В драгоценной попытке отстрочить разор,
Все земное зашить, залатать и спасти,
Неземное с земным воедино свести.
1976

На английском. Перевод Ричарда Мак Кейна⁷:

Our life is sewn with white threads.
Look at this strange sewing.
The night hours are sewn with white thread.
The white hoarfrost is on the contours instead of dew.
It's obvious and clear that we strive to live
not in jerks but smooth by not tugging the thread.
All is sewn with a very thin thread. And I live eternally,
wary of life unravelling the stitches.
Even if in the future there is decline, ruin, collapse,
today there is the quietest, thick snowfall.
The snow-white threads have sewn up the expanse
in a precious attempt to postpone ruin,
to sew up all the earthly, to patch and save,
to bring together the unearthly and the earthly.
1976

* * *

Картина рисована примитивистом:
Узор черно-белый на фоне лучистом.
На фоне лучистом простейший узор:
Две снежные ветки, меж ними зазор.
По белому черным написано ясно,
Что мир изначально устроен прекрасно.
Прекрасно и просто, совсем без затей
Из темных деревьев и светлых путей.
1985

⁷ "Guests of Eternity", ARC Publ., 2008

* * *

Это все твое. Бери:
Снегопады до зари,
Снегири, пруды, аллеи –
Все твое. Бери смелее,
Коли знаешь, как сберечь
Жизни сбивчивую речь,
Из каких волокон прочных
Сделать сеть для дней проточных.
1985

* * *

ЗАКЛИНАНИЕ

Земля бела. И купола
Белы над белыми снегами.
Что может приключиться с нами?
Чисты и мысли, и дела
В том мире, где досталось жить,
Который назван белым светом,
Где меж запорошенных веток
Струится солнечная нить;
Где с первых дней во все века
Дела свершаются бескровно,
И годы протекают ровно,
И длань судьбы всегда легка,
Как хлопья, что с небес летят
На землю, где под кровлей снежной
Мать держит на ладонях нежных
На свет рожденное дитя,
На белый свет, не знавший вех,
Подобных бойне и распятью,
Резне и смуте. Где зачатъе –
Единственный и светлый грех.
1975

* * *

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,
Даже если собою владеть невозможно,
Когда маленький ангел на белых крылах –
Вот еще один взмах, и еще один взмах –
К нам слетает с небес и садится меж нами,
Прикоснувшись к земле неземными крылами;
Я слежу за случившимся, веки смежив,
Чем жила я доселе, и чем ты был жив,
И моя и твоя в мире сём принадлежность –
Все неважно, когда есть безмерная нежность.
Мы не снегом – небесной осыпаны пылью.
Назови это сном. Назови это былью.
Я могу белых крыльев рукою коснуться.
Надо только привстать. Надо только проснуться.
Надо сделать лишь шаг различимый и внятный
В этой снежной ночи на земле необъятной.

1971

Песня Петра Старчика

http://larisamiller.ru/pesni_starchik_4.mp3

На английском. Перевод Ричарда Мак Кейна⁸:

Don't scare off, don't scare off, go forward cautiously,
even if you can't control yourself,
when the little angel on white wings –
here's one more beat and one more beat –
flies down to us from the heavens and sits among us,
touching the earth with unearthly wings.
I follow what happened, my eyelids closed,
what I've lived through so far, and what makes you live,
and my and your belonging in this world.
It's all unimportant, when tenderness cannot be measured.

⁸ "Guests of Eternity", ARC Publ., 2008

We are not scattered with snow, but with dust of the heavens.
Call this a dream. Call this reality.
I can touch the white wings with my hand.
I only need to rise. I only need to wake.
I just need to make a distinct and conscious step
in this snowfilled night on the unbounded earth.
1971

* * *

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Той вечности, что не спешит
И вместе с тропами петляет,
И след, который оставляет,
Сама же снегом порошит.

Идти по первому снежку,
Потом по пятому, седьмому,
Идти то из дому, то к дому,
Почти приноровясь к шажку
Ребёнка, что едва-едва
Земли коснулся, встав на ножки,
И удивляется дорожке,
И силится сказать слова.
2012

На полях моей жизни, на тех белоснежных полях,
Где все жёсткие рамки – на самых последних ролях,
Где случаются вещи, каким не бывать наяву,
Где в раю, что обещан в грядущем, я нынче живу,
На полях моих суток, мгновений и суток, и лет,
- Все стихи – промежутки, пробел для небесных помет.
2013

На итальянском. Перевод Стефано Гардзонио⁹:

Sui campi della vita mia, su quei campi bianchi di neve,
Dove ogni rigido schema non svolge ruolo alcuno,
Dov'accadono cose cui in realtà esser non è dato,
Dove io vivo adesso nel paradiso che in futuro mi è promesso,
Sui campi dei giorni miei, attimi e giorni, ed anni,
Tutti i versi sono sosta e bianco spazio per celesti annotazioni.
2013

* * *

Только будьте со мною, родные мои.
Только будьте со мною.
Пусть стоят эти зимние, зимние дни
Белоснежной стеною.

Приходите домой и гремите ключом
Или в дверь позвоните,
И со мной говорите не знаю о чём,
Обо всём говорите.

Ну хотя бы о том, что сегодня метёт
Да и солнце не греет
И о том, что зимой время быстро идёт
И уже вечерет.
2005

⁹ “Grani di felicità”, Transeuropa, 2015

На италянском. Перевод Стефано Гардзонио¹⁰:

Solo con me, miei cari.

State solo con me.

Siano pure questi giorni, giorni d'inverno

Come un muro di bianca neve.

Venite a casa con il tintinnio delle chiavi,

O suonate alla porta,

E parlate con me non so di che,

Di tutto parlate.

Almeno del fatto che oggi c'è la tempesta,

E il sole non scalda,

E che d'inverno il tempo corre veloce...

Ed è già sera.

2005

На английском. Перевод Ричарда Мак Кейна¹¹:

Just be with me my dear ones,

just be with me,

let these wintry winter days

become a wall of white snow.

Come home and rattle your keys

or ring the doorbell

and talk to me about anything,

about everything.

For instance, just about today's snowfall

and that the sun is not warm

and that time goes fast in winter

and it's already evening.

2005

¹⁰ "Grani di felicità", Transeuropa, 2015

¹¹ "Regarding the next big occasion", ARC Publ., 2015

* * *

И в черные годы блестели снега,
И в черные годы пестрели луга,
И птицы весенние пели,
И вешние страсти кипели.
Когда под конвоем невинных вели,
Деревья вишневые нежно цвели,
Качались озерные воды
В те черные, черные годы.
1989

На итальянском. Перевод Стефано Гардзонио¹²:

Anche nei neri anni brillavan le nevi,
Anche nei neri anni splendevano i prati,
E cantavan gli uccelli in primavera,
E le passioni di gioventù ardevano.
Mentre le scorte via portavano gli innocenti,
Gli alberi delle amarene fiorivan teneri,
Oscillavano le acque dei laghi
In quei neri, neri anni.
1989

На английском. Перевод Ричарда Мак Кейна¹³:

The snow sparkled even in the black years,
the meadows were bright even in the black years,
the spring birds sang,
the vernal passions boiled.
When they led away the innocent under guard
the cherry trees were blossoming tenderly,
the waters of the lakes rippled
in those black, black years.
1989

¹² “Grani di felicità”, Transeuropa, 2015

¹³ “Guests of Eternity”, ARC Publ., 2008

Наступают сна неслышной
Снегопада времена
Невесомые Всевышний
Густо сеет семена.
И кружится нам на зависть,
Не страшась судьбы своей,
Белый снег, едва касаясь
Крыш, заборов и ветвей;
И зовет забыть усердье,
Пыл, отчаянье и страсть,
Между облаком и твердью
Тихо без вести пропасть.
1973

На голландском. Перевод Кейса Джискута¹⁴:

*Stiller nog dan dromen breken
tijden voor de sneeuwval aan.
d'Allerhoogste zaair dan weken,
dichtopeen gewichtloos graan,
't Warrelt, ons afgunstig makend,
niet bevreesd voor eigen lot:
witte sneeuw, slechts even rekend
daken, twijgen en beschot;
die ons maan: vergeet je sores,
hartstocht, wanhoop, gloed terstond,
en verdwijn maar stil en spoorloos
tussen wolk en wereldrond.
1973*

¹⁴ “Zestig gedichten”, Pegasus, Amsterdam, 2011

* * *

Держа ладошку козырьком,
Взгляни вокруг. Тебе знаком
Сей мир окрестный,
Где и невзгоды косяком,
И дар небесный?
Ты здесь когда-нибудь была?
И здешних ангелов крыла
Тебя касались?
И снежной ночью, что бела,
Стихи писались?
2012

* * *

А по улице нашей троллейбус ходил.
Он вздыхал тяжело на любой остановке.
Он был очень медлительный, очень неловкий,
И его добрый дядя в шинели водил.
Меня мама сажала всегда у окна,
Я морозный узор ноготком ковыряла
И в кружок мной надышанный тихо ныряла,
И глядела как жизнь за окошком текла,
И глядела, подвижные сценки любя,
Как летали снежинки, толпа поспешала.

И сейчас, как на лёд, на года подышала
И увидела маму, троллейбус, себя.
2011

Содержание

I. Январь-апрель 2015 г.

Тоска? Бери её измором
Я ещё одну минутку
Мне почему-то хорошо совсем некстати,
Я столько лет не то искала,
Стараюсь равновесие держать,
Мне говорят: тебя не спросят -
Живи, живи, не отвлекайся
Куда теперь? Теперь туда,
О, Боже правый, сколько снега!
Возникло, как по волшебству,
А жизнь идёт. Хоть трудно ей идётся,
И куда, сломя голову, время бежит?
Господь, нельзя ломать игрушки.
Давай пошепчемся, денёк,
Все дни и годы разлинованы,
Опять дежурю и не сплю,
Однажды весной посредине земли
А как начинали! А как начинали!
К страданию не надо, нельзя привыкать,
О, Господи, Ты мне не доверяешь?
Ты знаешь, что со мной случилось?
Ведь этот мир неопишуем.
Вот так всегда: мы здесь, а счастье там.
А летом, в случае неявки,
Замри, умри, воскресни
Тянула маму за рукав:
Жизнь на мою попалась удочку
Как к этой жизни отношусь?
О, сколько на свете вещей мимолётных,
О, как же мне хочется быть образцом
Посвящается Демису Руссосу.

1. Вдруг взять да и затихнуть навсегда,

2. Спасибо, что он песни не унёс
А где источник неувязок?
Как хорошо, когда само собой,
Нетленку пишут на коленке,
А в чём интрига? В чём интрига?
Здесь родилась и здесь же я росла,
На грани взлёта и провала
Кто пролетел? Кто прошуршал крылами?
И нота с птичьего крыла
А надо букровку сменить,
Вдохнуть бы мокрую сирень
И как я оказалась в результате
А то, что ты ищешь, - оно где-то между
Итак, кому предъявим счёт?
Какие там науки точные?
И что ни день, то день текущий,
Я догадалась, слава Богу,
Всё по местам Господь расставит -
Как это всё употребить -
А жизнь ещё покуда в моде,
Но это же время. Ну что с него взять?
И хотя я давно еле ноги таскаю,
Только прошла, а следы уже смыты,
Опять спугнула я строку.
Неужто были чертежи
Ещё не хватало, ещё не хватало,
Того, кто утром просыпается,
О, сколько же в днях этих будничных воздуха, света!
Коль улыбка ещё не сбежала с лица,
В прозрачные такие дни
Как глупо взять да утонуть
Когда ты не знаешь, куда себя деть,
А день текущий - златоуст,
Весна едва ли понимает
А в летний день светло с пяти...

А жизнь сто тысяч раз кончалась,
Какой здесь, Боже, уют!
Давайте день тянуть, как гласную. Протяжно
А я большой специалист
О жизнь, лишь теперь сознаю я отчётливо,
Я погляжу на мир сквозь слёзы,
И с каждым рассветом светлей и светлей,
А в дни весенние, сырые
Спасибо, что меня ты не оставил
Ну что же ты, жизнь, за меня не цепляешься,
Я не умею ровно ничего,
И на вертящемся кругу
Хоть ты на солнышке лежишь,
Ах, как всё-таки жаль,
Я здесь всему, всему верна -
Опять ты нам давишь на железы слёзные,
Да разве нужен адресат?
Всё под контролем. Жизнь идёт,
А мне ведь и в голову не приходило,
Потом придёт пора другая,
Вот я опятьхватила лишку,
А март - он мне родной,
Увяла дружба, отцвела любовь.
-Про что кино?
Ну а предел моих мечтаний, -
Вот и распались те миры,
Я тот зевака, что стремится
Себя я в списках не нашла.
Вступила в область поздних лет
Скажи, что всё здесь мимолётно, -
Играю на любимой лире
Перо в чернила обмакнула
Лишь на условиях моих, -
Есть тихая игра двух бликов на скатёрке,
Ну как бы мне новое слово сказать?

Выхватываю из огня
Не бойся - не умрёшь,
Недавно смотрела я дома кино,
Хожу по Москве мимо жизни своей:
Хоть дольше века длится день,
Ручья журчанье, птичье пенье
Небо стоит того, чтобы снова проснуться,
Что, что? Не успеваешь ничего?
Живут здесь, жалуясь, вздыхая,
Я наметила дивный маршрут
Коль счастья хочешь - ничего не жди,
Так надоело быть собой.
Меня впускают, но с трудом,
Хотя бы так - скороговоркой
Тебе никак не угодишь:
Что делать? Мой ангел-хранитель в отставке,
Весна, ну полюбуйся на меня,
Сегодня мы рядом, а завтра нас нет,
И карманы пусты, и щелиста избёнка,
И всё-таки всегда возможность есть
А вдруг все наши дни и ночи
Уж если прогорать,
Вот проснись невесть во сколько
У нас прекрасные места,
Но боль - ведь это тоже нота
Представьте, пожалуйста, птичка. Вы кто?
О, Господи, откуда что берётся?
Мне чудится: я здесь не зря торчу,
Вот ветер любит облако ваять,
Слова даны, чтоб вечно не хватало

II. Некоторые стихи ноября-декабря 2014 г., не вошедшие в книгу «Намёк на благодать».

Пытаюсь научиться обживать
Мы пролетаем мимо или

А высь должна быть ненаглядной,
Визжа, таращась, познавать
"Выбирай: одно из двух -
Давно пора рвануть стоп-кран,
Искала много лет, где встать, где сесть,
Есть у Творца удачи. Есть.
Зависеть от такой безделки -
А я люблю гонимые слова,
Коль не выходит быть счастливой,
О, Господи, Господи, что это было?
Пора бы жить – не выживать,

**III. «В слезах прошлогоднего снега». Стихи прошлых лет,
включая несколько переводов на итальянский, английский,
голландский, сербский и французский языки**

Январский сумрак затяжной,
Не поймешь то ли дождь, то ли снег,
И всякий день — всё та же спешка,
Как поживаешь, первый снег?
Над сараем белые голуби —
Нельзя ни проснуться, ни в сон погрузиться,
Всё чисто тихо, гармонично
E' tutto lindo, armonico e silente.
По какому-то тайному плану
According to some secret plan
Красное яблоко падает в снег.

Песня Михаила Приходько и Галины Пуховой:

А эта снежная пыльца
Давайте в черный день подумаем о снеге,
С белым светом говорю,

Песня Михаила Приходько и Галины Пуховой:

В постылых роюсь словесах
Что я делаю? Что? Ухожу.
Что делать в этот день метельный?

Ночь за окном. Эта ночь за окном...

Песня Михаила Приходько и Галины Пуховой:

Всё способно умереть,
Поверь, возможны варианты,
Я от нежности таю, как тает на солнце снегурка.
А мир так безнадежно плох,
Ce monde est tant désespéré,
Столько нежности, Господи. Воздух, крыло.
Колико нежности, Господе. И крило, и зрак.

Не под музыку, нет, а под звон тишины

Песня Андрея Крамаренко:

Не уз музыку, не, већ под звоњавом тишине
Хорошего уйма. Хорошее сплошь.
Шито белыми нитками наше житье.
Our life is sewn with white threads.

Картина рисована примитивистом:

Это все твое. Бери:

Заклинание

Земля бела. И купола

Не спугни. Не спугни. Подходи осторожно,

Песня Петра Старчика

Don't scare off, don't scare off, go forward cautiously,

Идти по первому снежку,

На полях моей жизни, на тех белоснежных полях,

Sui campi della vita mia, su quei campi bianchi di neve,

Только будьте со мною, родные мои.

Solo con me, miei cari.

Just be with me my dear ones,

И в черные годы блестели снега,

Anche nei neri anni brillavan le nevi,

The snow sparkled even in the black years,

Наступают сна неслышной

Stiller nog dan dromen breken

Держа ладошку козырьком,

А по улице нашей троллейбус ходил.